

Алина Наумова

#ЯНЕСАБИНА

Алина Наумова

#янесабина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43114725

ISBN 9785005008466

Аннотация

И имя не твое и жизнь. И все происходит будто во сне и не с тобой. Маленькая девочка остается совсем одна, когда ее забирают жить в другую семью. Навешивают ярлыки, навязывают чужие правила и учат принимать побои. Учат взрослеть так быстро, как только можно, рушат все понятия и строят из тебя удобного ребенка. Можно ли остаться собой и научиться доверять людям? Можно. Но нужно только перестать бояться. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Меня зовут Сабина. Мне 6 лет. У меня короткие волосы, а брата зовут Аман	12
Я – Сабина Мейрамбекова. И мне 9. Моего брата зовут Аман и у него есть велосипед	20
Я – Сабина Мейрамбекова. Мне 13 лет. Мою маму зовут Акмарал, а папу Мухит	27
Меня зовут Сабина. И я учусь в 9 классе	38
Я – Сабина. Мне 17. И моя жизнь закончилась.	47
Простите	
Меня зовут Сабина. Но это неправда. У меня нет друзей. Я беременна	64
Конец ознакомительного фрагмента.	75

#янесабина

Алина Наумова

© Алина Наумова, 2019

ISBN 978-5-0050-0846-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Он ушел. А я все никак не могла вспомнить с чего все началось. Может быть с той ночи, когда мороз щипал мои лодыжки, а ветер безжалостно хлестал меня по лицу? А может быть тогда, когда я не смогла войти в дом своих родителей и провела всю ночь в сарае?

Что тогда произошло со мной и моей жизнью? Наверное ничего и не произошло. Ничего особенного. Просто я и моя жизнь. Удивительно как все может измениться за несколько минут. Вот ты смеешься над шутками, а через несколько минут уже молчишь под тяжелой ладонью, закрывающей твой рот.

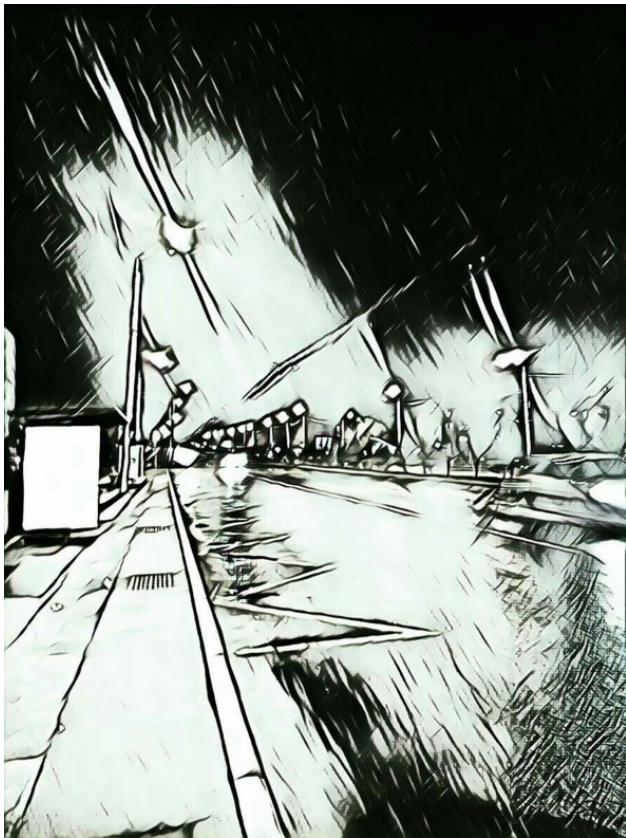
Он вернется. Вернется чтобы снова забрать часть моей жизни и души. От той самой, которую я пыталась собрать так много раз. Сегодняшний день не исключение.

И чего мне жаловаться? У меня есть все.

Единственное чего у меня нет – это меня самой.

Все началось когда умерла мама. Вот так внезапно в моей жизни появились незнакомые люди. Сначала они заполонили нашу квартиру и маленькую кухню, потом, забрали у меня все мамины вещи. Затем последовал переезд в аул к дяде с тетей. Все происходило будто не со мной. Как будто я наблюдала за чужой жизнью со стороны. Я утыкалась носом в мамину шаль и пряталась в огромном деревянном шкафу, который пах духами и печеньем. Я пряталась там до тех пор пока меня не находили и не выгоняли из шкафа. Тетя очень много ругалась, даже в присутствии дяди. Наверное, даже дядя побаивался криков тети Акмарал. Мне сказали, что Акмарал тате – мамина дальняя родственница, и что теперь она моя мама. Я молчала. Не помню, чтобы я когда-то разговаривала с тетей. Я отвечала на вопросы и выполняла все что мне говорили. Казалось, что если я буду себя хорошо вести то мама вернётся и заберёт меня отсюда. И мы уедем с ней далеко далеко, где нас никто не сможет найти. У тети Акмарал был не только острый язык, но и очень острые ногти. Я поняла это в первый же день после того как приехала к ним домой. Острые ногти будто заточенные ножницы впи-

лись мне в ухо. Я и не заметила как у меня из глаз брызнули слезы. Помню только как плакала, пока тетя Акмарал что-то мне говорила. Ее голос звучал грубо. Русские слова она мешала с казахскими, я не понимала и половины из того что она говорила. От боли в ухе казалось что я оглохла. Только узкие губы тети беззвучно шевелились. Было страшно и оттого хотелось просто исчезнуть. Раствориться в воздухе или стать невидимкой.

Дядя был добрым, мне так казалось. Он никогда не кричал на меня и частенько внимательно разглядывал меня, когда я молчала. Тетя Акмарал не разрешала смотреть ей в глаза. Сначала я пыталась подружиться с ее сыном, но он упрямо

меня отталкивал. Все игрушки в доме принадлежали только ему, все сладости которые привозил с работы дядя тоже доставались только ему. Я была совсем одна среди всех этих взрослых. Вы знаете что такое ощущать себя маленьким и беспомощным созданием до которого никому нет дела? Не знаете? Мне хотелось вновь вернуться в то время, когда мама бережно закутывала меня в теплое махровое полотенце в ванной. Когда она баюкала меня будто малышку на коленях и пела добрые песни. Откуда я могла знать что они добрые? Я просто чувствовала. Таким голосом, как у мамы, можно было петь только добрые песни. Слова были мне совсем незнакомы, но в них было тепло и ласка от которой хотелось жмуриться, как котенку на теплой подстилке. У мамы были самые красивые волосы на свете. Такие длинные и волнистые. Когда она стирала, на собранных волосах частенько застывали волшебные мыльные пузыри, но она ничего не замечала. Лишь покрасневшее лицо над тазиком выдавало ее напряжение. Красные руки и тонкие пальцы были самыми ласковыми на свете.

С тех пор как я стала жить с дядей и тетей, я частенько просыпалась ночью от того что боялась забыть как выглядит мама. Что она вернется, а я ее не узнаю. И она уйдет. Я искала напоминания о ней в ее шали, единственное, что мне разрешили оставить из маминых вещей. Это была долгая весна и лето. Пока не пришел ветер. И желтые листья. Дом напол-

нили различные незнакомые запахи. И вечером пришли гости. Шум и крики, сквозь которые ярко и четко я слышала говор тети Акмарал. Дядиново голоса мне было и не слышно. Все говорили на казахском, иногда я слышала то там, то тут знакомые слова и пыталась понять о чем они говорят. Что они едят и как должно быть хорошо, когда у тебя есть такая большая семья. Время шло, а мама все не возвращалась. Иногда я слышала как тетя Акмарал что-то говорила обо мне. Наверное, ей было тяжело со мной. Я росла неуклюжей. Ни один день не обходился без того, чтобы я что-то не разбила. Руки и ноги будто жили своей жизнью, а на моем пути вдруг внезапно оказывался стул или машинки Амана.

Все было просто.

Нужно было быть очень осторожной. Если разбить чашку или пиалу, как говорила тетя, то у меня потом горели уши от острых ногтей тети. Если я разбивала тарелку или блюдо, то можно было получить мокрым полотенцем по ногам. По рукам били, если я разливала чай и бульон, который был слишком горячим и слишком жирным. От одного его вида у меня скручивало желудок и я пыталась не смотреть в чашку пока делала аккуратные глотки. Если сломать машинку Амана, то можно было ждать от него какой-нибудь гадости. В последний раз он отрезал мне клочок волос пока я спала. А утром я получила от тети Акмарал за то что плакала, когда обнаружила на подушке целую копну отрезанных волос.

Аман был старше меня на несколько лет. Он учился в третьем классе. В его комнате висел очень красивый плакат почти на всю стену с каким-то дяденькой. Он был очень красивым в большой и квадратной шапке с хмурыми бровями, но добрыми глазами. На его шапке блестела красная звездочка. А на кофте были яркие красные полосы. Аман однажды рассказал мне, что это Бауржан Момышулы и что я слишком маленькая чтобы понять кто это. Пока Амана гулял на улице я частенько заглядывала в его комнату и рассматривала его огромный плакат. Водила пальцем по непонятным закорючкам на рисунке и пытались не забыть как его зовут. Бауржан. Этого дяденьку звали Бауржан. Его глаза казались мне знакомыми и такими добрыми, то я представляла, что это мой папа. Откуда иначе его портрет висит в этом доме? Они, наверное, его знали. А может он скоро приедет за мной вместе с мамой и мы отправимся в мой любимый парк, в тот самый в который мы любили ходить с мамой. Там были огромные ворота и белки. А еще там был зоопарк, в котором жил слон. Однажды за рассматриванием плаката меня застал Аман, который вернулся домой потому что что-то забыл. Я испугалась и отдернула руку нечаянно зацепив уголок плаката. Кусочек оторвался и упал мне под ноги. Слезы внезапно застыли в глазах. А сердце забилося так сильно будто собиралось выпрыгнуть из груди. Меня впервые ударили по лицу. Стало темно. Удивительно, но я не почувствовала боли, а только перестала дышать. Это было похоже будто я падала с како-

го-то высокого обрыва и никак не могла достать дна. Я все падала и падала. Пока не упала.

Боль пронзила меня внезапно. Перед глазами расплывалось лицо дяди. Я слышал как кричал Аман. Он кричал так громко, что мои уши были готовы лопнуть от напряжения. Он кричал на казахском, не произнося ни слова на русском и я почти все поняла кроме нескольких слов. Дядя смотрел на меня с жалостью. Но Аман не останавливался, а продолжал кричать и кричать о том, что я все порчу и меня надо отправить назад. Что он меня ненавидит и что лучше мне умереть.

Меня зовут Сабина. Мне 6 лет. У меня короткие волосы, а брата зовут Аман

Меня собирали в школу. Красный рюкзак Амана казался просто огромным, но мне он очень нравился. На нем был нарисован большой пучеглазый робот. Новые тетрадки и слегка потрепанные учебники. Все было таким незнакомым. Большой светлый класс и незнакомые лица. Все оказалось не так страшно как мне казалось сначала. Мне понравилось. Девочку соседку по парте звали Айгерим и она даже не смеялась над моими словами. Хотя тетя Акмарал всегда ругалась если я неправильно выговаривала слова на казахском. В такие моменты я могла получить тряпкой по лицу, если под рукой не было ничего тяжелее. В школе оказалось все намного проще. Тебя не били и не спрашивали. Теперь меня звали Сабина. Привыкнуть было не сложно. Сложнее было заставить себя откликаться на это имя. Всегда казалось что зовут совсем другую девочку.

От мамы ничего не осталось. Ее шаль больше не пахла духами, и я никак не могла вспомнить какого цвета глаза были у мамы. Она все никак не возвращалась, и я поняла что может быть она и не вернется ко мне. Никто не хотел говорить со мной о маме. Тетя Акмарал только кричала, а дядя прятался в сарае и пил что-то из стеклянной банке. Аман все чаще грубил и даже порвал мне рубашку. В школе было хорошо. Учителя звали Мариаш апай. Она пахла весной и гладила меня по голове. Иногда угощала меня красным яблоком и курагой. В столовой кормили кашей и давали засохший кусочек белого хлеба. Было намного вкуснее, чем готовила тетя Акмарал, но я молчала. Аман больно задирался даже в школе. Он и его друзья кричали мне вслед незнако-

мые слова, которые обозначали что-то очень плохое. Айгерим всегда хватала меня за руку и уводила в класс. Мне бы ее смелость. Она рассказала мне, что у нее есть старшая сестра и два младших брата. И они все лето ездили на речку на велосипедах. А прошлом месяце у нее был день рождения и папа подарил ей новые туфли. Черные и блестящие. Хорошо что у меня появилась такая подруга как Айгерим. Буквы складывались как нужно в моей тетрадке, а тетя Акмарал ругала за грязные гольфы и бант. Но я уже привыкла. Если прийти после школы и сразу спрятаться в сарае за старым красным мотоциклом, то тебя переставали искать. Тебя никто не видел и не слышал, и можно было притворяться, что тебя нет. А когда тебя нет, то тебе не могут сделать больно.

Мариаш апай однажды спросила меня люблю ли я своих родителей. А я промолчала. Я любила свою маму. Или нет? Если ты не помнишь человека ты все еще можешь его любить? Или это не считается? Я не знала как сказать это правильно. И промолчала. На следующий день она принесла мне хлеб с желтым маслом и отдала мне его на перемене. Она была очень доброй. А Айгерим сказала, что у Мариаш апай нет детей и она очень несчастная. Я спросила, а зачем Мариаш апай дети, если у нее есть мы. У нее же есть мы! Но Айгерим не знала ответ на мой вопрос.

Я больше не заходила в комнату Амана, но все еще пом-

нила что у него есть портрет моего папы на стене. Однажды я сказала об этом Айгерим. И она удивилась.

– А разве тот агай, который приводит тебя в школу не твой папа?

– Нет, не мой папа. Мой папа другой. Его портрет висит на стене у Амана.

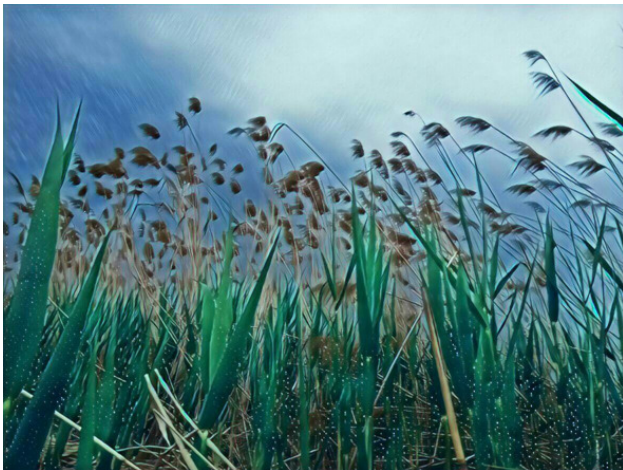
Айгерим удивилась и поделилась со мной печеньем с буквами А и С.

Наступила зима, а сапоги совсем расклеились, и когда я доходила до школы я прятала сапоги в раздевалке возле батареи и обувала сандалии. Они были мои любимые. С розовым бантиком на правом сандалике. На левом бантик уже оторвался, но они все равно были самые красивые. Аман и его друзья иногда прятали мои сапоги в тумбочку вахтера в коридоре и тогда Мариаш апай сердилась и хмурила брови. Но она меня не била и злилась совсем не на меня.

– Сабина. Иди сюда, – голос дяди звучал строго, но я любила когда он прятался со мной в сарае и пил что-то мутное из банки, в которой тетя Акмарал хранила огурцы и помидоры.

Мы могли сидеть так очень долго. Пока за дверью сарая не становилось совсем темно, а тетя Акмарал не начинала кричать и искать дядю. Иногда нас находил Аман и тогда он дергал меня за короткий хвостик и шипел мне в ухо, что я

скоро умру. Аман был высоким. Он был выше меня и почти доставал до плеча дяде. Я думала что он меня ненавидит, потому что я прячусь вместе с дядей, и его не зову, но он был злым совсем не поэтому. Когда он запер меня в сарае ночью, я старалась не плакать. Чем больше я плакала, тем больше злился Аман и поэтому я решила не плакать. Я сжалась в малюсенький комочек и спряталась под огромной курткой дяди, которая пахла машиной и маслом. Она пахла так сильно, что если задержать воздух и не дышать, то казалось что весь мир растворялся в темноте. Иногда я опаздывала в школу. Когда дядя болел. И не мог меня отвести. Я торопилась и бежала за Аманом, но он всегда убегал вперед, а когда я потеряла сапог в снежной яме, то тетя Акмарал кричала, что теперь мне придется носить старые сапоги Амана. Они тоже были красивые. Синие со смешными точками. И в них было теплее.

Лето наступило незаметно. Мариаш апай чаще улыбалась, а Айгерим даже позвала меня к себе в гости и пообещала дать прокатиться на своем велосипеде. У Амана был велосипед, который он никому не давал. Даже когда к нам приходили его друзья он важно гладил свой велосипед по сидушке, но никому не разрешал его трогать. На велосипеде был блестящий звонок, и я не хотела его трогать. Но он блеснул прямо на солнце и мне показалось что он сейчас взорвется от жары. Я выбежала во двор и дотронулась до блестящей поверхности. Звонок тревожно задрезбезджал под моими пальцами и из дома выскочил Аман. В руке у него была дядина камча. Если вы не знали что камчой можно сделать более чем, например, полотенцем или тетиной скалкой, то вы мо-

жете удивиться. Камча была длинной и с тяжелыми кончиками. Аман размахнулся, а я зажмурилась. Боль пронзила руку. Я не смогла сдержаться и закричала. Тогда из дома выскочили друзья Амана и тоже закричали. Я не знала почему они кричат, потому что Аман выбросил камчу на землю. Руки стали влажными, и я заметила кровь. Воздух наполнился противным запахом, а во рту стало совсем неприятно. Кожу щипало, а слезы никак не хотели останавливаться. Тетя Акмарал будет ругаться если увидит кровь, и я от страха спряталась в сарае. Пакет который лежал возле железного ведра мне пригодился. Я обмотала руку пакетом и спрятала руку в рукав дядиной куртки. Не знаю сколько времени прошло, но я уснула. За окном было совсем темно. Меня никто не искал, наверное все спали. Мне нужно было пробраться в комнату возле кухни, где стоял огромный сундук, в котором хранились сокровища. Тетя Акмарал доставала оттуда красивую скатерть и салфетки кружевные, когда приходили гости. А по ночам на нем спала я. Одеяло из квадратиков, которые были совершенно разные можно было разглядывать бесконечно. Особенно, зеленый мягкий квадратик, пришитый к красному квадратику в клеточку.

Рука болела так сильно что мне пришлось укусить одеяло зубами, чтобы больше не плакать. Ведь если ты плачешь то тебя наказывают. Плачут только слабые и от этого умирают. Может быть умереть это не так плохо? Туда ушла моя мама

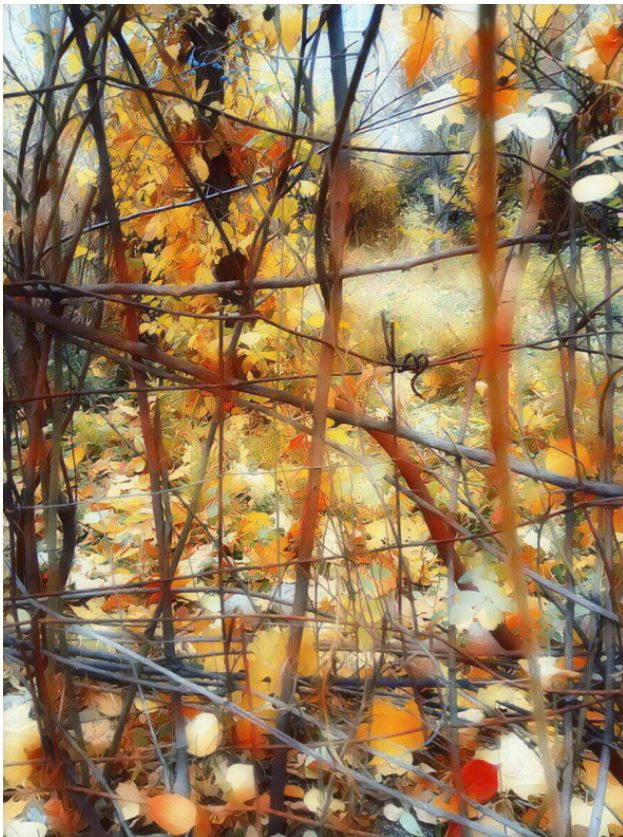
и может быть она меня ждет. Или она меня тоже забыла? Может она не помнит меня? Ведь я выросла и меня зовут Сабина. У меня теперь короткие волосы и нет двух зубов сверху. А может она просто больше не хочет меня видеть потому что я много плачу. Что делают люди которые умирают? У них вырастают крылья и они улетают в небо? Мариаш апай сказала, что духи умерших людей смотрят на нас и наши поступки. Но они не могут вернуться потому что это неправильно. Я ей тогда не поверила, но может быть все это было правдой. Тетя Акмарал сказала, что моя мама была душой. Это было плохое слово, которое нельзя говорить в школе. Потому что когда я спросила у Мариаш апай что значат некоторые слова, которые я не понимала, она снова рассердилась. Она сказала что поговорит с моей мамой. И тогда, наверное, моя мама разозлилась на меня и решила на меня больше не смотреть. Смотреть она хотела бы на мою красивую подругу Айгерим. У нее были черные волосы почти до ног. И ее мама заплетала ей две красивые косички. Один раз я даже помогла ей заплести косички опять, потому что они расплелись. Я бы тоже хотела себе такие красивые волосы, но было страшно. Аман мог бы снова на меня разозлиться и снова их отрезать. Уж лучше пусть будут короткие волосы. Тогда нестрашно. А еще тогда можно было легко убежать от тети Акмарал. Она больше не могла схватить меня за волосы, потому что они постоянно выскользывали из рук.

Я – Сабина Мейрамбекова. И мне 9. Моего брата зовут Аман и у него есть велосипед

А еще у меня есть лучшая подруга Айгерим. Мы с ней лучшие друзья на планете. Скоро ко мне приедет папа и мы поедем с ним в Алма-ату. В самый красивый парк на земле.

Мариаш апай улыбалась, когда я тянула руку на уроке, чтобы ответить на ее вопрос. Ведь каждый знает, что осенью птицы улетают на юг и мы собираем урожай. Но Мариаш апай спросила именно меня. Может быть мама попросила ее помочь мне? Или она забыла обо мне насовсем? Аман и Еркин стояли возле окна и шептались о чем-то. Айгерим потянула меня за блузку. Вчера на уроке математики она сказала, что Аман очень красивый и я рассмеялась. Как она может думать, что Аман красивый? Он же мой брат? Но Айгерим не смеялась, она почему-то покраснела и убежала в туалет. В тот день она больше со мной не разговаривала. Но на следующий день она снова села рядом со мной и мы опять стали подругами. Еркин меня не обижал. Иногда вместе с Аманом они кричали мне что-нибудь вслед, но сильно не трогали. Один раз толкнули, но я успела отскочить и не упала, тогда Аман разозлился на меня, и мне снова пришлось прятаться

В женском туалете.

Тетя Акмарал запретила мне выходить из кладовки когда приходят гости. И заставляла мыть посуду в холодной воде.

Казан всегда отмывался плохо. Для того чтобы отмыть его хорошо нужно было сначала подогреть в нем воду. Когда вода нагревалась нужно было перелить воду в эмалированный тазик, а потом сразу мыть казан железной мочалкой. Иногда казалось, что маленькие иголки впиваются в пальцы, но это было совсем не больно. И если я помогла тете Акмарал, то можно было получить на ужин рис с кусочком мяса. Дядя пропадал почти постоянно в сарае и мне больше нельзя было туда приходить. Аман сказал, что если увидит меня еще раз в сарае, то точно убьет. Он был злым когда говорил мне это, и я поверила. Нельзя злить тетю Акмарал и Амана. У них был похожий характер. Волосы я тайно отстригала зелеными ножницами ночами и закапывал их в саду возле яблони. Когда у тебя короткие волосы, то можно быстрее собираться в школу. А к концу третьего класса я научилась так быстро бегать, что казалось, будто стоит мне только раскинуть руки, как меня понесет ветер напрямиком к школе. Кроссовки Амана стали мне почти как раз, а Айгерим принесла мне синие шнурки ее брата. И на перемене мы спрятались с ней под парту и зашнуровали мои кроссовки. Айгерим дала мне шоколадную конфету, а мне нечего было дать ей и я пообещала ей, что когда вырасту, то куплю ей все что она захочет. Айгерим засмеялась.

Аман и Еркин занимались с открытыми учебниками за большим столом в зале. И я спряталась в кладовке. Ко-

гда на улице было светло в кладовке тоже было светло, так как маленькое окошко под потолком разрешало солнцу освещать мою комнату. В моей комнате был огромный сундук на котором можно было спать. Но только если немного прижать ноги к груди. А если попробовать вытянуться, то ноги начинали свешиваться с края и задевать холодные железные бортики сундука. Летом, это было приятно, но зимой было слишком холодно и я просто натягивала носки так высоко как только могла, почти до колена.

– Сабина!

Нужно просто молчать и не отвечать Аману. Каждый день казался какой-то игрой в которую мы играли с ним с самого начала. Иногда он забывал о том, что меня звал, а иногда очень злился.

– Иди сюда. Не видишь мы занимаемся. Поставь нам чай, – он деловито перевернул страницу учебника.

Тетя Акмарал была у соседки, они готовили угощения к празднику Айсауле. Ей должны были прийти и дарить сережки. Айгерим сказала мне, что так делают когда хотят жениться на девушке, а когда я спросила что такое жениться, то она засмеялась и закрыла рот рукой. А потом прошептала, что тогда взрослые целуются, а потом у них рождаются дети. Это было непохоже на правду. Тетя Акмарал и дядя Мухит иногда целовались, но кроме Амана у них не было никаких детей. Может быть они их прятали или отдавали

в другие семьи у кого никого не было. Например, как у Мариаш апай. Если бы я спросила об этом у Мариаш апай, она, наверное, бы расстроилась. Она не любила говорить о себе. Она была очень хорошая и красивая. У нее был красивый зеленый платок, который она накидывала на плечи, а ее платье почти доставало до земли, когда она ходила. Иногда казалось, что она плыла по классу. Я хотела стать такой как она когда вырасту. Я буду учить детей. Я хотела стать учительницей. Айгерим хотела стать врачом и лечить животных. Особенно, маленьких котят и щенят. Мариаш апай сказала, что врач, который лечит животных называется ветеринар. И теперь мечтой Айгерим было стать ветеринаром. Аман подслушал наш разговор в школьном коридоре и обозвал Айгерим коровой. Айгерим заплакал и сказал что ей больше не нравится мой брат. Я пожала плечами. Аман никому не нравился, он был очень злым и грубым.

Шрам на руке только зажил, но все еще сильно болел. Тем более нельзя было показывать его дяде. Аман пообещал меня убить, если я все расскажу дяде. А тете Акмарал я сказала что упала с яблони в саду. Она помазала мне руку йодом и поставила в угол на соль. Это было наверное самым неприятным наказанием из всех. Если выбирать между тряпкой, скалкой, ножкой от стула и мокрым полотенцем, то хуже всего была соль. Колени долго болели и никак не хотели заживать. Гольфы приходилось натягивать еще выше чем обыч-

но и не забывать подтягивать. Иначе Аман мог разозлиться. Он всегда злился, как и тетя Акмарал. Все было потому что я была непохожа на Амана. Я плохо ела, не могла помогать по дому, была жутко неуклюжей и очень некрасивой. Волосы никак не хотели отрастать думала она и решила что я чем-то заболела. Потом мне пришлось всю ночь спать с какой-то ужасной мазью на голове, чтобы волосы росли лучше и крепче. Но каждый месяц я тщательно обстригала отросшие кончики, чем окончательно выводила тетю Акмарал из себя. Зачем нужны длинные волосы мне? Незачем. Они неудобные и постоянно за что-то цеплялись, а еще их тяжело было мыть в холодной воде. Руки болели.

Я – Сабина Мейрамбекова. Мне 13 лет. Мою маму зовут Акмарал, а папу Мухит

Еще у меня есть брат Аман. Он учится в 9 классе. Мою лучшую подругу зовут Айгерим. Когда я вырасту я стану учительницей. А Айгерим станет ветеринаром.

Когда-то у меня было совсем другое имя, но я его не помнила. Когда ты маленький ты веришь во все что тебе говорят. Так я стала Сабиной. Никого не удивляло почему я такая светлая и почему у меня казахское имя и фамилия. В моей семье не говорили о моей настоящей маме и я больше не верила в то, что она вернется. Я знала, она умерла. Ее не стало так внезапно, что я не успела ничего понять. Я больше ее не помнила. Теперь я помнила только тетю Акмарал и свою первую учительницу Мариаш апай. Мама, наверное, выглядела также. Только у нее были добрые глаза, красивый голос и она вкусно пахла духами. А еще она была самой красивой мамой на свете.

Я перестала спрашивать у тети Акмарал про маму и папу и научилась называть тетю мамой. Аман доводил меня до слез с еще большей жестокостью чем раньше. Он ненави-

дел меня по прежнему, а я по прежнему боялась его и не могла ответить. Он был выше меня и теперь его шутки превращались в травлю. Он пугал меня по ночам, внезапно забравшись в мою комнату или схватив меня возле сарая, когда я делала уборку или чистила ковер. Он больно щипал меня за руки и говорил, что убьет меня если я ему хоть слово скажу. А по ночам, один раз в месяц, я все еще отстригала волосы и прятала их в саду. Это могло длиться целую вечность. У моей жизни не было никакого края.

Я любила географию и русский язык. Однажды учительница русского языка Карлыгаш Мамытбековна с гордостью прочитала мое сочинение на уроке перед всеми, и пообещала отправить меня на олимпиаду по русскому языку от школы. Это было впервые, когда я поняла, что у меня что-то может получиться. Мы стали мечтать с Айгерим как уедем отсюда в Алматы. Наденем самые красивые платья и купим себе зеленые туфли. О том как пойдем в цирк, там оказываются показывают дрессированных животных, которых можно даже погладить. В моих мечтах город, в котором я родилась, звал меня и ждал. Но я никак не могла к нему вернуться. У меня совсем не было денег, а тетя Акмарал вряд ли бы разрешила мне даже мечтать. Меня давно не били. Но знаете это было совсем не страшно. Больно может быть только твоей коже, а внутри тебя итак темно. Когда ты закрываешь глаза – там темно. Вот так и внутри тебя. Полная темнота.

Это значит – ты уже умер. А что если я умерла тогда, когда умерла моя мама, но никто этого не заметил. Почему меня зовут Сабина? И почему я не могу в это поверить? Почему мне все время кажется, что окликают не меня, а какую-то другую девушку?

Родственники, которые приезжали к нам в гости, всегда цокали языками и жалостливо смотрели на меня, когда я разливала чай. Тетя Акмарал заставляла меня надевать ее платок с красной бахромой. Пожилые бабушки, которые, как я

поняла, были мамиными тетями, что-то постоянно обсуждали стоило мне только отвернуться. Они следили за каждым моим движением и я чувствовала себя очень плохо. Меня здесь не любили. Я попала к ним совсем не знаю почему. Как моя мама могла быть двоюродной сестрой тети Акмарал? Как звали мою маму?

Улучив момент когда одна из далеких родственниц тети Акмарал Назима апай вышла помыть руки во двор. Зачем-то я тихо спросила ее о том, как звали мою маму. Назима апай очень удивилась, а затем ударила меня по щеке. Ее ладонь была маленькой и сухой, но в ней чувствовалась сила. Совсем другая, не такая как у Амана или тети Акмарал. В ее глазах не было злости. В ее глазах было что-то другое. Это было презрение. Ей было противно со мной разговаривать. Будто я была грязной и неприятной. Плохо родиться некрасивой девочкой на этой планете. Или плохо вообще, родиться девочкой, а может быть плохо просто родиться. Если бы можно было решать хочу ли я родиться я бы выбрала не родиться вовсе. Кто принимает такие решения? Можно написать ему письмо? Один раз мы даже писали письмо президенту. А он может все на свете. В тот день Айгерим дала мне голубую тетрадь с девочкой на обложке и попросила заполнить ее анкету. Анкетой оказались вопросы про меня и о том кого я люблю. Сложнее всего было написать о том, кто мне нравится. В одном классе вместе с Аманом учился Кайрат.

Он даже иногда приходил к нам в гости, но я убегала за сарай и пряталась там пока Аман не начинал меня искать. Когда они были вместе с Еркином тогда мне попадало еще больше. Они были намного больше меня, а Еркин всегда щипал меня за щеку, требовал снять халат, а потом громко смеялся пока Аман не начинал его толкать. Иногда, когда они прятались за сараем и курили дядины сигареты из синей пачки, я пряталась в комнате. Когда я рассказала Айгерим, что иногда мне страшно, когда тетя Акмарал уходит к соседкам, она пригласила меня к себе. Но тетя Акмарал только разозлилась еще сильнее, когда я сказала что пойду в гости к Айгерим. Больше никогда ее не спрашивала.

Кайрат был невысоким. Он был красивым. У него были темные глаза и волнистые волосы. А еще он постоянно чесал подбородок, как будто о чем-то сильно задумался и от этого казался еще красивее. На левой щеке у него была родинка и один раз он позвал меня по имени, когда мы с Айгерим шли по коридору. Тогда он мне и понравился. Что такое понравиться кому-то? Айгерим объяснила, что это тогда когда тебе нравится смотреть на этого человека, и он для тебя самый красивый во всем мире. А когда он написал тест по математике лучше всех, нас с Кайратом директор наградила грамотами и позвал наших родителей. Тетя Акмарал даже повязала новый белый платок. Дядя почистил ботинки и расчесал бороду. Мы с Кайратом стояли возле стены рядом с две-

рю кабинета директора и молчали. О чем говорить с мальчиками я не знала. Тем более, он был другом Амана и я знала, что Аман всем рассказывал обо мне гадости. О том какая я грязная, и что совсем не моюсь, и даже не расчесываю волосы. Он знал что это неправда, но продолжал говорить обо мне плохо. Хотя он сам учился очень плохо и тетя Акмарал частенько ругала его за это. От него пахло сигаретами, а над губой чернели усы.

Кайрат смотрел на меня когда я подняла голову. И улыбнулся. Тогда он мне понравился? Или еще раньше? Он мне улыбнулся. Самый красивый мальчик в школе улыбнулся мне. Я пригладила волосы и отвернулась. Я чувствовала как горели мои щеки. Тот день я запомнила. Запомнила потому что это был мой первый раз когда я поняла, что я девочка. Вернувшись домой, я вытащила из тумбочки рядом с сундуком все свои вещи, которыми успела обзавестись за последнее время. Тетя Акмарал частенько отдавал мне свои платья. Я их ушивала и носила дома. Школьная форма принадлежала соседке тете Жанне и ее старшей дочери Гуле. Гуля иногда заходила к нам и привозила конфеты из Алматы. Конфеты были очень вкусные. Гуля говорила, что это Рахат и это самые лучшие конфеты во всем Казахстане. Я не могла с ней не согласиться. Вкус шоколадных конфет, с красной шапочкой на обертке, был моим вкусом детства. Странно, как какие-то мелочи делают целую историю твоей жизни. Первую

конфету, которую мне дала Гуля, я спрятала под одеялом и никак не могла решиться ее съесть. В итоге конфета растаяла и мне пришлось торопливо пихать ее себе в рот и обливать блестящую фольгу пока она снова не начала блестеть.

В Алматы на олимпиаду со мной поехал дядя, Кайрат и еще одна девочка из восьмого класса. У нее было красивое имя – Зульфия. Может и меня когда-то звали Зульфия? Будто песня. Особенно если долго тянуть букву «я». Наш классный руководитель Газиз Советханович все время улыбался. Мы поехали в Алматы на автобусе. Тетя Акмарал не хотела нас отпускать и все время прижимала платок к глазам. Она умела очень хорошо притворяться. Особенно когда дома были чужие. Например, Газиз Советханович. Ее глаза были такими же сухими, как и ее кожа. Аман только погрозил мне кулаком. А в большую коричневую сумку дядя сложил мою форму и старое платье тети Акмарал, которое я немного подшила. Айгерим даже дала мне свою заколку. И я спрятала ее в носки, чтобы тетя Акмарал не нашла. Она обязательно бы ее забрала. Перед тем как уехать она пришла в мою комнату, и села на край сундука. Зачем-то долго молчала, а потом ушла.

В автобусе было светло и чисто. Красивая женщина в синей кофте постоянно улыбалась. Ее щеки были ярко-розовые, а волосы были цвета солнца. Она сказала, что ее зовут Катерина и если мне что-то будет нужно, то я могу ее попросить. Я хотела попросить ее угостить меня печеньем, но постеснялась. Газиз Советханович достал из чемодана газету и уселся напротив нас с дядей. Кайрат опоздал, но автобус никуда без него не уехал. Хотя я переживала. Кайрат

прибежал почти перед тем как мы стали уезжать. За окном ему махали маленькая женщина с черными волосами и высокий мужчина. Наверное, это были его родители. Газиз Советханович даже не обратил на нас своего внимания. Дядя достал газету из сумки, но не стал ее читать. Она был свернута в шар. Из газеты он достал вареные яйца и три огурца. Я отвернулась. Люди вокруг меня были такими разными и совсем непохожими друг на друга. Я взяла с собой книгу Баубека Булкышева из школьной библиотеки. Книга называлась «Алматинцы». Я крепко прижала ее к груди. В ней был заключен целый мир.

Олимпиада прошла во Дворце Школьников. Это было огромное здание с золотым куполом. Представляете? Ну, конечно нет. Там было столько детей, что от всех этих лиц просто кружилась голова. И наверное, я бы упала прямо на мраморный пол, если бы меня не схватила за руку Кайрат. Я оглянулась. Дядя ничего не видел, а Газиз Советханович куда-то исчез оставив нас возле стены с рисунком. Рука Кайрата была теплой и большой. Как будто солнце меня обнимало за руку. Я покраснела и отвернулась. Смотреть на Кайрата стало еще тяжелее. Пришлось выдернуть руку и спрятать ее за спину. Не хватало еще чтобы и он начал надо мной издеваться. Мне хватало Амана и его Еркина. Айгерим объясняла мне многие вещи, которые казались мне непонятными, но Аман был просто злым человеком. С ним никто

не дружил. Только Еркин и один раз даже Кайрат. Айгерим уже не нравился Аман, что было очень хорошо. Ей нравился мальчик из 11 «А» класса. Его звали Андрей. Он был очень высоким. Я думаю, что он мог бы достать даже до самой высокой полки в библиотеке, где лежали энциклопедии Казахской ССР. Но Кайрат был красивее. Домой мы поехали на автобусе уже когда стемнело. Ехать было совсем недолго. И время летело незаметно. А с книгой я и не заметила как мы вернулись к тете Акмарал и Аману. Мое сердце теперь принадлежало Кайрату и Алматы.

Меня зовут Сабина. И я учусь в 9 классе

Когда я вырасту я стану учительницей и буду жить в Алматы.

Весна пришла незаметно, я поняла что стало тепло, когда Кайрат взял меня за руку и сказал, что проводит меня до дома. Я отказалась. Тетя Акмарал могла быть очень злой. И Аман уже не в первый раз угрожал мне тем, что побьет Кайрата если еще раз увидит его возле меня. Его шутки и поддразнивания никуда не исчезли. Но он смотрел на меня ужасными глазами и мне становилось еще страшнее чем в детстве. Он больше не бил меня и не толкал. Теперь он просто смотрел, и иногда мне приходилось задерживать дыхание, когда я видела его тень в полоске света под дверью. Уроки приходилось делать за закрытой дверью. После школы я бежала домой, чтобы успеть приготовить обед для дяди. Он очень много работал на заводе и все чаще задерживался на работе. Тетя Акмарал пропадала на базаре или у соседок. А Аман весь день после школы сидел возле сарая и курил. У него были черные усы и широкие плечи. Он, наверное, весил целую тонну. Мои волосы немного отросли, но я больше не торопилась их отрезать. Айгерим сказала, что мне так

даже красивее. Мне бы очень хотелось иметь такие волосы как у нее. Черные и красивые. Мои скорее цветом напоминали солому. Я была совсем на нее непохожа. Я не была похожа на тетю Акмарал, хотя дядя сказал, что я очень похожа на свою маму. Он тоже не хотел говорить о ней. Лишь иногда, когда он был слишком пьян, чтобы прятаться от меня он позволял себе рассказать все что помнил о моей маме. Оказывается, он видел ее всего несколько раз. Один раз на их с тетей Акмарал свадьбе, второй раз когда они приехали с маленьким Аманом в Алма-Ату. А в третий раз они уже приехали на ее похороны.

Мою маму звали Алия. Самое лучшее имя в мире. Может быть и меня звали Алия? Дядя сказал, что он не помнит. И что меня всегда звали Сабина и с чего это я придумала, будто меня звали по-другому. Когда я спросила, знает ли он моего папу, он только качал головой. И запретил спрашивать об этом тетю Акмарал или других родственников. О моей маме никто не хотел говорить. Сначала мне казалось, что о моей маме не хотят говорить потому что она умерла, но со временем мне стало понятнее, что маму не любили здесь. Мамины родители давно умерли, а тетя Акмарал была дочерью маминой тети. И их с тетей воспитывали вместе. Совсем как нас с Аманом. Интересно, они тоже друг друга ненавидели? Или тетя Акмарал не отрезала волосы маме? А может быть она была еще злее? И если Аман

бил меня по лицу и оставил огромный шрам на руке, то может тетя Акмарал издевалась над мамой хуже. А что может быть страшнее? А может они были подругами, а потом поругались. Почему моя мама жила в Алма-Ате, а тетя Акмарал в Сарканде?

Все это было слишком странным, и по какой-то причине беспокоило меня. Сначала меня беспокоило то, что все пытались мне дать понять, что говорить о моей маме нельзя, заставляли называть тетю Акмарал мамой, но в тоже время говорили мне о том, что Аман мне не брат, и я не должна даже сметь жаловаться на него. Я всего-то один раз пожаловалась на него дяде. В тот вечер Аман сильно прижал меня

к стенке сарая и навалился всем весом даже не давая мне сделать глоток воздуха. Его рука коснулась моей шеи и растегнула верхние пуговицы халата. Тогда тетя Акмарал позвала его ужинать, а я спряталась за сараем и плакала, пока меня не нашел дядя. Я даже не успела ничего рассказать дяде, как на улицу выскочила тетя Акмарал и отхлестала меня по щекам, что я почувствовала медный вкус во рту. Она кричала так, что мне что все соседи ее слышали. Она называла меня грязной девкой, лгуньей и такой же нечистой как и моя мать.

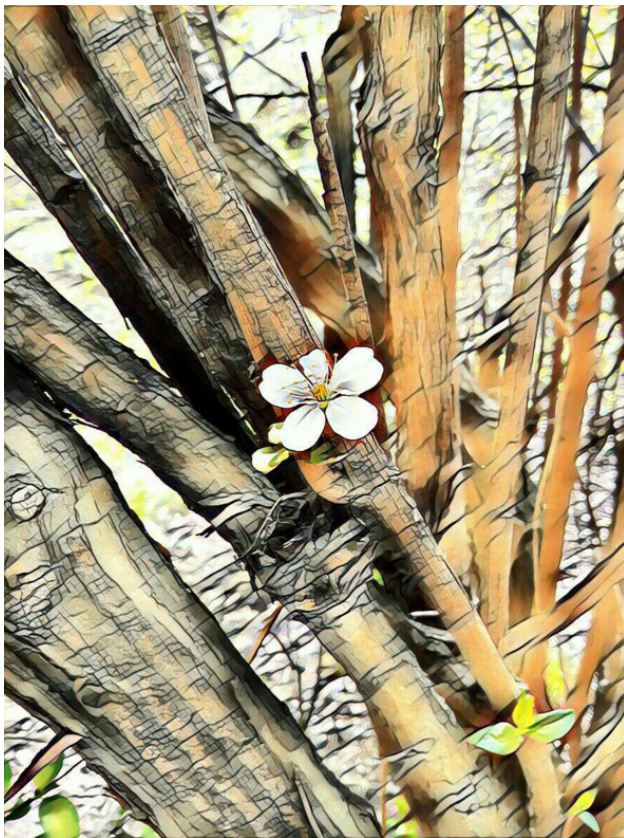
Кайрат так красиво улыбался, что мое сердце пело, а внутри все переворачивалось, когда он на меня смотрел. Айгерим всегда надо мной смеялась, стоило мне только увидеть его на перемене в школьном коридоре. Я, наверное, и вправду была похожа на маленькую девочку, которой подарили шоколадку. Теперь я старалась следить за тем, как я выгляжу. Я была не похожа на Айгерим, но она сказала что у меня очень красивые карие глаза. Тогда я всю перемену рассматривала себя в зеркале в туалете для девочек пока не прозвенел звонок.

Трава уже пробилась сквозь снежные островки и ветер остужал мои пылающие щеки, пока Кайрат шел рядом. Когда мы подошли к большому камню на развилке, то он при-

слонил меня к дереву и прижался губами к моей щеке. Со мной тогда что-то произошло. Ноги задрожали, а сердце заколотилось как сумасшедшее. Чувства нахлынули на меня как снежный буран. Сметая все на своем пути. Мне хотелось плакать и смеяться одновременно. До дома я добежала за пять минут и закрылась в комнате. У меня была температура. Меня сотрясала мелкая дрожь и я просто укрылась одеялом с головой и прижали колени к груди, чтобы утихомирить тревожное сердце. Но в тот день тревожно билось не только мое сердце.

Нас отпустили пораньше, конец учебного года настраивал на летние каникулы, которые мы так долго ждали. После 9 класса многие из ребят уезжали учиться в Талдыкурган или Алматы, меня же ожидало долгое лето. Айгерим уезжала на все лето с братьями в Чимкент к родственникам, а мне ничего не светило кроме как сидеть дома. То что меня радовало так это то, что Аман заканчивал школу и собирался уходить в армию. С его оценками его вряд ли ждала учеба в университете. Тетя Акмарал приходилось тяжело и ее частенько вызывали к директору. Решили что все-таки дадут ему аттестат. Для этого Аману пришлось оставаться после уроков в школе и сдавать физику, химию и алгебру. Единственный предмет по которому у Амана были хорошие отметки так это была физкультура, его даже звали в местный клуб борцов, но он был слишком ленив и для этого. Он мно-

го курил и уже не прятался от тети Акмарал и дяди. Иногда они курили вместе с дядей возле сарая, а тетя Акмарал в это время варила мясо, и только покрикивала на них из окна. Со мной тетя ничего не обсуждала. Только один раз сказала, что у ее знакомой сын вернулся из армии в прошлом году и неплохо было бы позвать его к нам в гости. Я только пожала плечами. Мне все равно нельзя было ходить по дому при гостях. Меня никто и не спрашивал, я и не знала половины гостей, которые приходили к нам. Я любила тетю Акмарал по-своему, как могла настолько насколько она позволяла. Она была строгой, порой очень сердитой, но она была моей тетей и она разрешала мне жить у нее. И давала одежду, кормила меня. Айгерим сказала, что они просто меня держат пока мне не исполнится 18 лет, а потом выгонят из дома. Потому что деньги закончились. Про какие деньги говорили Айгерим я не знала, зато случайно увидела маму Айгерим рядом с тетей Акмарал. Они возвращались вместе из магазина и о чем-то долго спорили. Я просто спряталась за деревом и наблюдала. Мама Айгерим была очень похожа на Айгерим. Такие же красивые черные глаза, тонкий нос и черные волосы ниже спины. Только у мамы Айгерим волосы были туго заплетены в косы и уложены красивым венком на голове. Ее платье было голубым и очень ей шло. Тетя Акмарал любила цветастые вещи, красные и зеленые. Но мама Айгерим выглядела очень элегантной. Мне тоже захотелось стать такой же как она.

Пришло лето и Айгерим перед отъездом в Чимкент рассказала мне свой секрет. Наш одноклассник Саят подарил ей букет цветов и дождался ее после школы. А потом быстро

пробормотал ей, что она ему нравится, и тут же убежал. Она так громко смеялась рассказывая мне эту историю, а я улыбалась ей в ответ. Но мне стало жаль Саята. Он был очень застенчивым и постоянно краснел стоило с ним только заговорить. Он носил круглые очки которые шли к его короткой стрижке. Его мама работала у нас в школе дворником, и каждое утро я видела как она обнимала Саята перед школой. Мама. У меня тоже есть мама. Только она умерла. И в этом нет моей вины.

Айгерим была моей лучшей подругой с первого класса. Мы ссорились и мирились, делились секретами и строили планы. Но чем старше мы становились, тем сильнее я видела огромную разницу между нами. Она не понимала меня, а я не могла понять ее. Это было бы не страшно, если бы мы не начинали с ней ссориться по любому поводу. И в тот день когда она смеялась над Саятом я разозлилась на нее по-настоящему. Как она могла смеяться над чувствами другого человека? Кто она такая, что считает его смешным и не воспринимает всерьез? Может быть и я выглядела в глазах Кайрата точно также? Мы сильно поругались, и я крикнула ей что мы больше не подруги, если она не извинится перед Саятом. Она крикнула мне в ответ, что и не подумает перед ним извиняться. И мы разошлись. Вечером мы встретились с Кайратом возле камня, а внутри у меня все болело. Я никак не могла перестать думать о том, какой я выгляжу сейчас в глазах

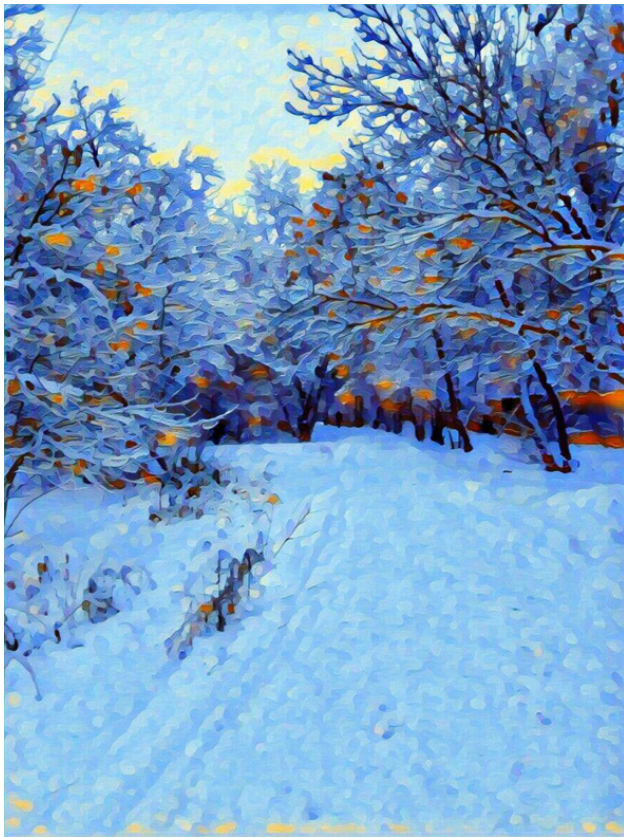
Кайрата. Что он видит когда смотрит на меня? Что он чувствует? Считает ли он меня красивой? Или ему меня просто жаль, а потом они с друзьями смеются надо мной? Я смотрела в его глаза, пытаюсь найти ответы. Но его глаза были теплыми и добрыми. Почему я сомневалась в себе и в Кайрате? Говорили мы с ним немного. Больше молчали. Но в нашем молчании было больше, чем в разговоре. Мы мечтали молча и делились своими чувствами молча. Он держал меня за руку, а я открывала ему свою душу без слов.

Кайрат обнимал меня так нежно, что сердце таяло, и я забывала обо всем. О темной комнате, в которой я жила, взгляде Амана стоящего возле моей двери, о некрасивом шраме на моей руке и о том, что не такая красивая как Айгерим. Я забыла обо всех плохих днях, и начинала верить только в хорошие. Ведь если в жизни есть что-то прекрасное, то зачем помнить плохое. Его руки гладили меня по спине и я чувствовала тепло сквозь тонкую ткань тетиного платья. И вечности наверное было бы мало, чтобы передать все свои чувства к нему. Он шептал имя Сабина нежно касаясь моей шеи, а я терялась. Мне хотелось сказать ему, что Сабина – это не я, но никак не могла. Ведь я Сабина. Тогда почему я этого не чувствую?

Я – Сабина. Мне 17. И моя жизнь закончилась. Простите

Я бежала по улице, а ноги проваливались в глубокий снег. Даже если бежать по протоптанной дорожке, то комки снега все равно попадают между ботинками и голыми ногами. Так можно было заболеть. Но болезни не страшны тем, кто уже умер. Я всегда была такой мертвой. Даже если сильно притворялась, что живая. Этого нельзя было скрыть. Не сейчас. Но теперь я стала грязной. По-настоящему грязной.

На снегу пестрели обертки от фейерверков и петард, кое-где из сугробов торчали пустые бутылки из-под шампанского. Но я не чувствовала ничего. Ни холода не существовало в этом мире, ни боли. Ни меня. Голова взрывалась тысячей образов, и одновременно давила на глаза. Хотелось зажмуриться и оторваться от реальности. Перестать дышать и перестать существовать здесь и прямо сейчас.

Я спряталась за сараем. В доме горел свет. И я отчетливо представила, как за столом сидит дядя Мухит и тетя Акмарал и пьют горячий чай. Стол, наверное, накрыт и в глубокой миске с золотой каемкой стоит оливье, а на тарелоч-

ке нарезан казы. Они смотрят телевизор и переговариваются чуть слышно между собой. Им не нужен никто и я тоже. Я никому не нужна. Я просто мусор, который все постоянно забывают вынести. Он мозолит глаза долго, вызывает споры и возможно скандалы, но в итоге его все равно выбрасывают. И он летит напрямиком туда, где ему и было самое место.

Вся неделя у меня перед глазами. Моя очередная ссора с Айгерим, потом пропал Кайрат. Я искала его у тети Фатимы, но не нашла, она сказала, что он уехал с друзьями на базар за продуктами. И я просто ждала пока не наступила ночь. Но он так и не пришел. Тетя Акмарал позвала меня пить чай. И зачем-то опять напомнила о сыне ее знакомой, которому давно пора жениться. Кажется, задумкой тети Акмарал было познакомить меня с ним. Но я не хотела, и продолжала делать вид что не понимаю о чем она говорит. Через два дня Кайрат пришел к нам в двор и улыбнулся. Я крепко обняла его за шею, и поцеловала в щеку. А когда я спросила где он был и почему не приходил он просто ответил, что был занят. И позвал меня праздновать Новый Год с ним и его друзьями. Я отказалась, но Кайрат сказал, что будет весело, а потом он проводит меня домой. Тетя Акмарал бы меня в жизни не отпустила бы ни к кому домой. Тем более к Кайрату. Когда я ей сказала что мне нравится Кайрат пару месяцев назад, она отхлестала меня дядиным ремнем и заперла в комнате. «Твой Кайрат недоумок и бездельник проклятый», – крича-

ла она и только еще больше злилась. А когда я наконец под вечер вышла из комнаты, дядя прошептал мне на ухо, чтобы я не сердилась на тетю Акмарал, и что она просто переживает за Амана. Так как он не писал ей уже почти несколько месяцев. С тех пор как уехал в Алматы на стройку.

И теперь о том, что Кайрат позвал меня отмечать Новый год вместе с ним, мне говорить точно не стоило. Тогда я решила соврать тете. Я сказал ей, что лягу пораньше спать и в семь часов вечера сделала вид, что плохо себя чувствую. Тетя Акмарал только хмыкнула и накрыла стол для них с дядей Мухитом. А я переоделась в комнате с выключенным светом, и осторожно выскользнула во двор, пока тетя отвлеклась. Я бежала к дому Кайрата будто за мной гнались бешеные собаки. Но мы не зашли к Кайрату. Он сказал, что мы пойдем в гости к его другу. Там будет весело и они часто так собираются. Его друзей я все-таки знала плохо. Он был старше и скорее всего дружил с Аманом и ребятами постарше. Но как же мне хотелось, чтобы он принял меня к себе и понял, что такая же как и все, и ничем не отличаюсь от обычных девочек в школе. Что я не говорю с акцентом на казахском, что моя школьная форма выглядит хорошо, потому что новая, а не потому что я перешивала и ушивала ее всю ночь. Тяжело быть такой как все, когда ты не такая как все. А кто нужен был Кайрату я не знала, но могла только догадываться.

В доме, в который мы пришли, горел свет и был накрыт стол. На столе уже были аккуратно нарезаны помидоры и огурцы. Тонкие ломтики колбасы и сыра. Две бутылки прозрачной водки и три бутылки шампанского. За столом сидела Айгерим и Камилла. С Камиллой мы были знакомы со школы, она была на год старше и уже закончила десятый класс. Десятый класс в нашей школе был один. Так как многие из ребят уехали в город учиться, то с Камиллой и ее одноклассниками мы были знакомы. Я обрадовалась увидев Айгерим, но не успела я к ней подбежать как тут же вспомнила о том, что мы с ней поссорились. Я уже и не помнила причину ссоры. Но это было что-то серьезное. Для меня. Ссоры всегда начинались с меня. Я внезапно становилась раздражительной и кричала Айгерим о том, что она делает что-то неправильно. И этот раз был не исключением. Айгерим отвернулась, когда увидела меня и продолжила разговаривать с Камиллой. Многих ребят из компании Кайрата я знала. Были и незнакомые ребята. Я поискала Кайрата глазами и увидела его на кухне. Он разговаривал с незнакомым парнем. Они что-то обсуждали. Я не хотела ему мешать. Странно было чувствовать себя в компании малознакомых людей, Айгерим не хотела со мной разговаривать, а Кайрат был занят. Я присела на стул за столом и покрутила пустой стакан в руках. Кто-то рядом громко рассмеялся, и я увидела незнакомого парня со светлыми волосами.

– Привет.

– Привет.

Я попыталась улыбнуться, чтобы не показаться совсем недружелюбной, но кажется получилось натянуто и не очень правдоподобно. От парня пахло алкоголем и сигаретами. Он был старше меня и скорее всего был другом Кайрата, но я не видела его в школе. После окончания школы Кайрат завалил вступительный экзамен и не смог поступить на грант в КазГУ. Это был университет его мечты. Теперь он готовился к экзаменам в следующем году. Может это парень был одним из его знакомых из города? Он точно был не из наших. Он протянул мне бутылку и стукнул ее горлышком об край моего стакана.

– Чего не пьешь?

– Я не пью.

– Почему? – он приподнял светлые брови и уставился на меня. Я оглянулась и увидела, что Айгерим смотрит прямо на меня.

– Не хочу.

Светловолосый сел на соседний стул и протянул мне свободную руку.

– Владимир.

– Сабина.

– Какое красивое имя, – он снова улыбнулся.

Я сжала губы, чтобы не сказать ему, что это не мое имя. Но мне удалось сдержаться.

– Очень приятно, Владимир, – я пожала его протянутую мне руку и снова взяла в руки пустой стакан. Что делать дальше я не знала. И куда девать руки тоже. Моим посредником в общении всегда была Айгерим, а с Кайратом можно было и молчать. Но другие люди ожидали от меня чего-то, но я не знала чего именно, и это ставило меня в затруднительное положение. Мыслями я вернулась к тете и дяде, и представила как они ужинают за накрытым столом, не подозревая что Сабина, точнее я, сбежала на новогоднюю вечеринку с Кайратом.

Бутылки оказались практически пустыми, а в углу за ла Владимир целовал Камиллу. Я покраснела и отвернулась. Владимир сжимал ногу Камиллы выше колена, и ее это не смущало. Но на них, кажется, смотрела только я. Все остальные были заняты каждый своим делом. Кто-то спорил за столом по поводу экономической обстановки в стране, кто-то тихонько пел песни, играл телевизор. Часы показывали половину десятого. Кайрата я не видела уже больше часа. Он то появлялся, то исчезал. Парни и девчонки бегали курить на улицу, и морозный воздух весь вечер неприятно холодила ноги.

Вы чувствовали себя одиноко посреди огромной толпы людей? Как называется такой вид одиночества? Я была не одна, но я была одна. Внутри будто все замерзло и никак не от-

таивало. Айгерим тоже куда-то пропала. Ко мне подошел знакомый Кайрата. Он мне уже представился и я запомнила, что его звали Ален. Ален положил руку мне на плечо и предложил сходить подышать свежим воздухом. Я вежливо отказалась, но Ален настаивал. Он был пьян, это было заметно по его словам и по тому как он держался. Его рука тряслась на моем плече. Скорее всего, ему было нехорошо и ему нужно было на воздух. Я поднялась и согласилась прогуляться.

На улице было холодно, но на удивление очень светло. Фонарь на углу улицы освещал весь двор и пустую собачью будку возле забора.

– Собаку к соседям отвел. Она бы лаяла.

– Ладно, – я пожалала плечами. – Как ты себя чувствуешь?

Ален оперся руками на скамейку и шумно выдохнул.

– Ты же Сабина?

– Да.

– Ты красивая девчонка, Сабина.

Я не знала что сказать. Первый раз в жизни мне сказали, что я красивая и первый раз в жизни, мне не хотелось поправить человека, который назвал меня Сабинкой. Я молчала. А Ален не поворачивался и все также держался за скамейку. Стало неудобно.

– А ты Кайрата не видел?

– Видел. Зачем тебе?

– Думала куда он пропал.

– Ты с ним что ли пришла? – Ален наконец оттолкнулся

от скамейки и выпрямился. Он смотрел мне прямо в глаза. Я опустила взгляд. Это парень только что назвал меня красивой, а я промолчала. Может быть мне нужно было сказать ему тоже что-то в ответ? Он, в общем-то, тоже был достаточно симпатичным.

Он сделал несколько шагов вперед и встал от меня на расстоянии вытянутой руки. Запах алкоголя и сигарет никуда не ушел, и снова ударил мне в нос с новой силой, я закусила губу, чтобы сдерживать позывы тошноты. Внутри все скручивало от волнения. Что-то во всем этом было неправильно. Неправильным все было с самого начала. Но я упорно верила, что я делала все правильно. Что происходит в этом доме? В котором парни целуют девушек, с которыми не встречаются. И где Айгерим? Иногда мне так не хватало уверенности ее мыслей. Они были будто глоток свежего воздуха во моей голове. После ее слов, у меня часто прояснялись мысли, мне становилось легче дышать.

– Ты красивая, Сабина.

Ален повторил свои слова, но теперь уже смотрел мне прямо в глаза.

– Спасибо.

– Я тебе не нравлюсь, да?

Мысли скрутились в непонятный узел.

– Почему ты спрашиваешь?

– Ты мне понравилась сразу. Но ты не обращаешь ни

на кого внимания. Ждешь Кайрата?

– Меня пригласил сюда Кайрат.

Все шло не так как я себе представляла. Этого момента и этого диалога не было в моей голове, когда я сбегала из дома без разрешения тети и дяди.

– Хочешь провожу домой?

– Я подожду Кайрата, а потом мы пойдем домой. Уже поздно.

Я улыбнулась и сделала несколько шагов назад. Мне нужно было срочно найти Кайрата. Я была готова признаться тете и дядя в том, что сбежала и принять свое наказание. Мне просто нужно было уйти отсюда. Алэн меня начинал пугать. Я вспомнила Камиллу и Владимира, целующихся в углу и вздрогнула. Может быть Алэн тоже хотел это делать со мной? Нет-нет, нет! Я помотала головой. Но Алэн подошел ближе, я снова отступила, но он схватил меня за руку.

– Ты такая красивая, Сабина.

Он не должен мне говорить такого. Ведь он так не думает на самом деле, и мне стало жаль себя. Он был просто пьян. Он просто глупый и пьяный. Я попыталась вырваться, но он только крепче сжимал мое запястье. Страх медленно пробежал по ногам обхватив мои лодыжки. Нужно было убежать отсюда, но ноги отказывались шевелиться.

Его дыхание оказалось так близко от моего лица. Жесткие и холодные губы прижались к моим губам и я вздрогнула. Вырваться не получалось. Мои игры с Аленом не пройдут. Аман только играл со мной, но никогда меня не трогал. Ален

был другим и мне стало по-настоящему страшно. Так страшно как никогда не было. Все было сном. Просто страшным сном. Его губы закрывали мои, а противный мокрый язык настойчиво проталкивался в мой рот, и я начала задыхаться. Я уперлась руками в его грудь, и попыталась оттолкнуть. Но он оказался сильнее чем казался на первый взгляд. Его большие ладони залезли мне под куртку и нащупали застежку бюстгалтера через ткань платья. Мне нужен был воздух. Со мной что-то происходило. Что-то плохое я чувствовала это всем телом, но у меня не было сил бороться. Ален прижимал меня к себе все крепче и крепче, а я сжимала зубы до боли и хруста в челюстях. Оставь меня, пожалуйста.

Он повалил меня на скамейку и задрал платье. Это все происходило не со мной. Все это было слишком странным. Совсем не тем. Это был просто сон. Кошмар. От которого я не могла никак проснуться. Его рука зажимала мой рот. Я не могла шевелиться. Мое тело просто отказывало двигаться. Он закрыл не только мое тело, но и мой мозг. Мозг не посылал никаких сигналов телу. Просто отключился. Я слышала звук ремня и молнии его брюк. Его пальцы были везде, пока он рвал мои колготки. А я просто молчала.

Он вжал меня в твердую поверхность скамейки, я чувствовала ее позвоночником. Толчки не прекращались, но боли не было. Было что-то другое. То что я не могла никак назвать. У такого нет никакого названия. Я была Сабиной. А Сабина это просто оболочка. Просто тело. Это ничего

не значит. Но Ален наконец остановился. Я перестала чувствовать его тепло и липкость. Его рука перестала закрывать мой рот и я открыла глаза.

– Эй!

Голос Кайрата разорвал весь кошмар и я внезапно оказалась на земле. Но я ничего не чувствовала. Меня просто лишили всех чувств одновременно. Что-то липкое поглощало меня полностью. Как болото, в котором ты оказался совершенно неожиданно и в твоих мыслях больше ничего нет. Ты просто понимаешь, что это все. Больше нет ничего. Только тишина.

Я бежала ничего не разбирая перед собой. Вы знаете, что такое память тела? Это даже не твоя память, это просто рефлекс, который вырабатывается с годами. Ты просто делаешь то, что можешь делать, и ноги сами несут тебя туда, куда несли всегда даже без твоего ведома. Мои ноги несли меня домой. Я могла сопротивляться сколько угодно, и называть тетю Акмарал тетей, а дядю Мухита дядей, но первые люди, о ком я подумала, когда обнаружила себя бегущей по морозу были они. Они были своими. Все что могло произойти плохого со мной у них дома было знакомым и нормальным. Любили они меня или нет, или просто терпели меня, или были вынуждены или им было меня жаль или противно. Это все было совершенно неважным. Дело было в другом. Они были

моим домом. Они были всем, что у меня было. Только они и больше ничего. Меня оставили все. Но я была не одна, даже отрицая это.

На деревянной скамейке возле дома, я пыталась перевести дыхание и унять дрожь, но никак не могла. Меня вырвало всем, что я ела. Но дрожь не проходила. Меня вырвало еще раз. Я все еще ощущала себя грязной и в каком-то липком тумане, несмотря на холод. Мне было жарко, мне хотелось сорвать с себя все что было и сжечь это в мусоре. Мне хотелось сжечь себя в том же огне, в котором будут гореть мои вещи. Просто забыть и просто перестать думать.

Мысли не переставая возвращали меня в тот двор к Алену. К выражению лица Кайрата. Я сама во всем виновата. Сама. Я пошла в тот дом, и сама дала другим возможность думать о себе так ужасно. Я вела себя доступно. Может быть я всегда была такой? Может быть я сама всех провоцировала? И Аман тоже был не виноват? Во всем виновата была только я.

Я ничего больше не помнила о том вечере, и о том, как я пробралась в дом, и ничего не помнила о том, что я делала. Но проснувшись утром, я обнаружила себя в своей комнате в крови. В зеркале в ванной я увидела лишь бледную тень обычной себя и разодранную в кровь грудь и живот. Под ног-

тями запеклась кровь, от меня пахло рвотой. Что произошло со мной вчера? Я не хотела ничего не вспоминать. Я только яростно терла себя голубой мочалкой, не обращая внимания на царапины на груди и ключицах и животе. В горле стоял неприятный привкус и меня снова вырвало. Я собрала волосы в тугий хвост на затылке и обстригла ногти. Ножницы в моих руках выглядели слишком блестящими, и я снова поднесла их к волосам, но так и не решилась отрезать и их. Снова.

В дверь забарабанили.

– Хватит тратить воду, иди пей чай.

Я ничего не планировала и ничего не ждала. Но теперь все изменилось. Я стала еще дальше от себя. Я становилась Сабиной. Той девочкой, которую из меня делали. Все считали меня Сабиной, кроме меня самой. Такое возможно? Будто тебя спрятали в теле совсем другого человека, и ты не можешь оттуда выбраться как бы не старался. Мне нужно было выбраться отсюда. Из этого дома и из этого имени. Мне нужно было вспомнить как меня зовут и что с нами случилось.

Я села напротив тети Акмарал, которая зашивала рубашку дяди Мухита.

– Что случилось со мной?

– Что? – тетя Акмарал даже не посмотрела на меня, лишь на мгновение прекратив штопать.

– Как меня зовут?

– Не с той ноги встала? Иди помой посуду.

– Что со мной случилось? Как меня зовут? Где мой отец?

Я не узнала своего голоса. А может быть я никогда его не слышала? И голос тоже был всегда не моим? А принадлежал Сабине? Мне нужны были ответы или я могла взорваться.

Боли я не чувствовала, даже когда тетя Акмарал схватила меня за волосы. Разве это боль? Она думает мне больно? Она думает, что это заставит меня замолчать? Она ничего не знала о боли. Ее ногти впивались в кожу, но мне этого было мало. Я не чувствовала себя живой. Даже сейчас. Я продолжала кричать, а тетя Акмарал продолжала хлестать меня по щекам до тех пор, пока я не упала на ковер. Я не помнила, что она кричала, но это точно были не ответы на мои вопросы. О чем я только думала? Она никогда не ответит на мои вопросы. И я продолжала кричать. От слез лицо было совсем мокрым, но я не плакала. Боли не было и ничего не было.

Когда я решила сбежать из дома? Тогда когда месячные не пришли в конце месяца? Или может быть тогда, когда меня стошнило завтраком, который оставила мне тетя Акмарал?

Я не была глупой. Я была заперта в доме, и заперта в собственном теле. Я ждала. Ждала, что наконец что-то произой-

дет в моей жизни и меня освободят. Все исчезнет, как сон и я освобожусь. Но ничего не менялось. Когда месячные не пришли и в следующем месяце, а тетя Акмарал принесла в мою комнату новую белую рубашку для школы, я все поняла. Кроме меня самой, никто не сможет меня освободить. Освобождение своего духа от тела – это, возможно, был еще более затяжной процесс, чем мне казалось. Целыми днями я что-то делала. Домашние дела, прогулка до магазина, утренняя тошнота, уроки.

Айгерим ни разу не пришла к нам. Кайрат тоже пропал. Тетя Акмарал меня не трогала. Но и не разговаривала со мной без надобности. Дядя Мухит чувствовал что-то в воздухе и тоже избегал меня. А я молчала.

Что мне нужно было делать стало понятно, но я ждала. Зря. Все было зря. Вся моя жизнь была слишком пустой, и теперь я не могла думать о том, что я могу сделать еще одну пустую жизнь.

Собрать рюкзак вещей, налить воду в бутылку и спрятать в глубине целый кирпич хлеба казалось таким естественным решением. Моя жизнь должна была начаться, а не закончиться. И когда она начнется должна была решить только я. Так я сбежала из дома и стала воровкой, забрав все деньги из платка тети Акмарал под подушкой.

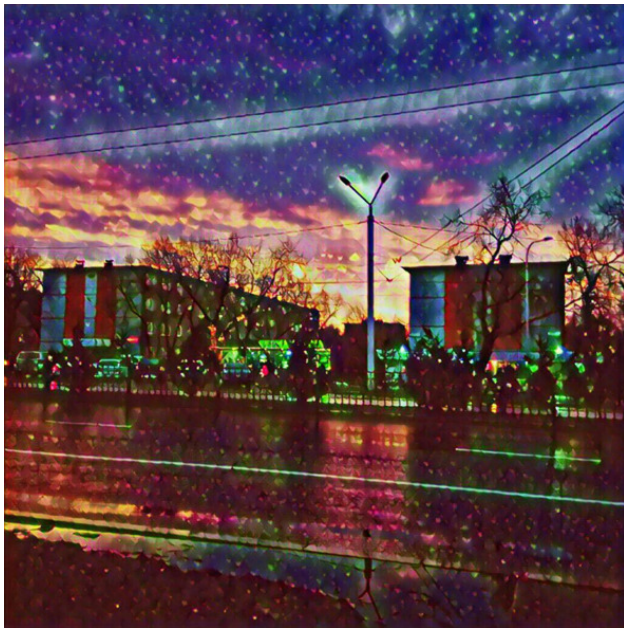
Меня зовут Сабина. Но это неправда. У меня нет друзей. Я беременна

Все изменилось, но мне не стало легче. По вечерам после 8 вечера я набирала ведро теплой воды и брала веник, совок и тряпку. Я мыла подъезды и пол в магазине в соседнем подъезде. Девочек с которыми я жила звали Таня, Катя и Асем. Они были старше меня. А Асем работала секретарем в огромном офисе. Как я их нашла? С Таней я познакомилась в автобусе в Алматы. Она везла огромную сумку у себя на коленях. Она поделилась со мной пирожком с капустой, и спросила, куда я еду и зачем. В Алматы она предложила мне пожить пока с ней и ее подругами. Теперь я спала на полу между кроватями Тани и Кати. Утром я уходила на работу в столовую, вечером подрабатывала мытьем полов.

Живот рос совсем незаметно. Тошноты больше не было. Была усталость. Неимоверная и болезненная. Таня меня жалела. Она отвела меня к своему гинекологу. Женщина в белом халате оказалась ярко-рыжей. Она смотрела на меня с презрением. С тем самым, которое я видела в глазах тети Акмарал. Удивительно, но я не вспоминала о тех, кого оставила в Сарканде. Я просто вычеркнула всех из своей жизни,

и запрещала себе о них думать. Все кого я любила и ненавидела. Тетя Акмарал, дядя Мухит, Аман, Кайрат, Айгерим, Алэн. Все, кто что-то сделал для меня или со мной в прошлой жизни, теперь остались лишь в прошлом, и я не хотела их видеть в нынешней.

Впервые, когда я ощутила то, что во мне живет маленькая жизнь повергло меня в шок. Я плакала целый день и всю ночь и даже прогуляла работу, сославшись на плохое самочувствие. Мне уже была пора прекращать работать. Я была не глупой. Я все понимала. Как и на что я должна содержать себя и своего ребенка. Врач отправила меня на УЗИ и мне сказали, что у меня будет мальчик. Но я никак не могла связать ребенка, свое состояние и саму себя воедино. Все казалось каким-то не таким. Все казалось совершенно чужим. Мое тело менялось вместе с моим настроением. Я успела отложить немного денег. Удостоверение личности я прятала в маленькой сумочке вместе с деньгами под подушкой. Таня знала все. Она работала в какой-то гостинице в ночную смену и их с Катей не было дома по ночам. А я работала.

Мне не нужен был ребенок. Я просто не знала что делать. Что делать со своей жизнью и что делать с маленькой жизнью внутри меня. Мальчик толкался ночью и затихал под утро. Это был наш маленький диалог. Я спрашивала его как у него дела, а он пинал меня в ответ. Что со мной тогда происходило, я до сих пор не могу подобрать слова. Одновременно, я была Сабиной и не была ею. Во мне смешалось прошлое, настоящее и будущее. Как все эти три времени поселились во мне? И когда все так успело измениться? Один

неправильный шаг, одно неверное движение и ты уже не ты, а твоя жизнь уже не твоя.

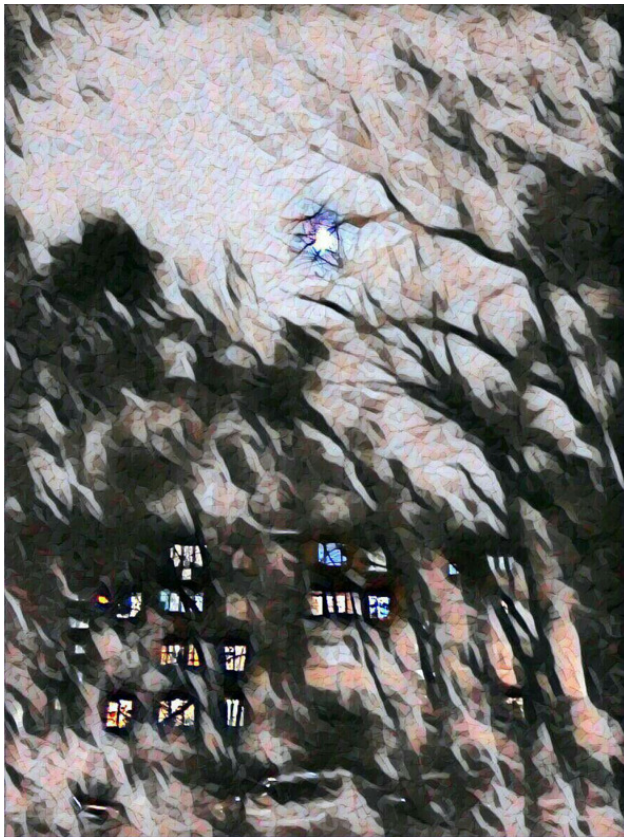
Воды отошли, когда я собиралась ложиться спать. День выдался совсем тяжелым, и я просто застыла. Что-то теплое лилось по ногам и я никак не могла этого остановить. Первыми мыслями было то, что со мной что-то не так, что это кровь. Но убедившись в том, что это не кровь я запаниковала еще больше. Никого не было дома и я просто набрала номер скорой помощи.

Мальчик был некрасивым. С прилипшими к голове черными волосами. Он был сморщенными и каким-то худым. Как маленький старый человечек. Он кряхтел и громко плакал слегка надтреснутым голосом. Я стала мамой. Нет. Не так. Я родила маленького мальчика и теперь чувствовал себя опустошенной. Когда он был внутри меня, я была наполнена жизнью, пусть даже и не своей. Но теперь я снова оказалась одна, а мальчик получил свою собственную жизнь. Отдельно от меня. Его глаза казались совершенно черными, а маленькие пальчики цеплялись за мои волосы. Что я ощущала? Больше ничего. Я его не любила. Он больше не был моим. Он стал мне чужим, но я хотела понять его. Я хотела найти с ним то понимание, которое нашла с ним когда он был еще во мне.

Асем переехала. Мы остались с Таней и Катей. Но нас снова было четверо. Девочки предложили мне снять другую квартиру с двумя комнатами. Но я отказалась. Мальчик был спокойным. Он будто знал, что его не ждали и его никто не любит в этом мире. Он будто смирился с тем, что я его родила. И что теперь он навсегда один. Внутри меня что-то болело и иногда ночью я не могла сделать и вдоха. Я прижимала руку к груди, а второй прижимала голову мальчика к груди. Имя мы придумывали долго. Мне было все равно, как его зовут. Но Таня и Катя продолжали настаивать предлагая целую кучу имен. В итоге мы остановились на имени Дамир. Таня покупала Дамиру смешные распашонки, штанишки и комбинезоны, а Катя пыталась покормить меня молочными продуктами. Деньги, которые я отложила подошли к концу. Пособие, которое мне помогла оформить Таня помогало, но Дамиру исполнилось три месяца, и молоко стало убывать. Дамир все чаще плакал и все меньше спал, а по вечерам я не могла сбежать из дома, чтобы подработать. Я не строила никаких планов, а жила как существовала и просто плыла по течению.

Разговор с Таней стал тем разговором, который меняет тебя и всю твою жизнь. Чем занималась Таня по ночам я знала. Кто я была такая, чтобы кого-то судить о том, чем она зарабатывает на жизнь. Все было лучше, чем голодать. Не есть несколько дней было нормальным для меня, но как оказа-

лось не нормальным для Дамира. Молоко полностью пропало когда Дамиру исполнилось 6 месяцев, и Таня усадила меня за кухонный стол. Ее короткая стрижка, которая мне так нравилась растрепалась, а тушь немного размазалась под глазами. Она смотрела на меня серьезно и заботливо. На меня так не смотрели. На меня, вообще, старались не смотреть, но в лице незнакомой девушки я нашла неожиданно и мать, и подругу. Она была старше меня всего на семь лет, но у нее было огромное сердце, которое могло уместить целый мир, но решило почему-то уместить там меня и Дамира. Я видела как она смотрела на Дамира, когда качала его утром или когда кормила его кашей из бутылочки. Он хватал ее за палец и что-то пытался ей говорить, а она улыбалась так, как может улыбаться только женщина, которая любит. Так смотрела на меня моя мама. Так я это помнила или просто хотела помнить.

История Тани не была мне знакомой или близкой. Я жила в то время в параллельном мире и переживала только по поводу того как сбежать от Амана и его друзей, или о том, чтобы обсудить прошедшие уроки с Айгерим. Но Тане было

столько же сколько мне и ее жизнь отличалась от моей. Если в моей жизни были люди, которые заботились обо мне, давая крышу над головой и еду, то в ее жизни не было никого. Ее отец спился и умер где-то на улице. Мать болела и умерла в тот же год, когда и отец, а Таня осталась одна в большом городе. Ее не били, нет, но у нее не было больше дома. А у меня был. У меня была комната с сундуком, у меня была одежда и у меня был теплый дом. У Тани не было ничего. Единственный, кому она могла довериться так это незнакомому мужчине в кафе в котором работала официанткой. Это был хозяин кафе возле одной из гостиниц Алматы. Он предложил ей подработать. Она согласилась. Так она начала новую жизнь. И теперь хотела, чтобы и я начала свою новую жизнь.

Не все в жизни Тани было гладко, как сейчас. Ей не повезло влюбиться в мужчину, который оказался женатым. Она забеременела, но беременность оказалась внематочной, и она загремела в больницу на несколько месяцев, ей удалили матку и теперь она больше не могла иметь детей. Я понимала почему она так смотрит на Дамира, но не могла ничего ей ответить. Почему так происходит? Это может быть такое испытание? Получить то, что ты не хотел и наоборот, не получить то, что ты хотел. Зависть ведь разрушает людей. Но не разрушила Таню. Она по-прежнему помогала мне. И любила моего Дамира. Да, вот так он стал не просто моим

сыном, но и сыном Тани. Я брала его на руки и рассказывала ему о маме Тане, о том как она его любит.

Моя первая смена должна была начаться через несколько часов. Таня уложила мне волосы и заставила примерить ее платье. Платье оказалось мне большим, но Таню это не смутило. Она накрасила меня и улыбнулась. Дамир сидел на коврике на полу и увлеченно облизывал игрушку. Таня проследила за моим взглядом.

– Не переживай, я пригляжу за Дамиркой. Не волнуйся. В этом нет ничего ужасного. Ты ничего не будешь чувствовать. Это просто тело. И просто работа.

Мне не было страшно. В тот день я перестала быть Сабинной. Теперь по ночам я превращалась в Айку. И почему я выбрала такое имя я не знала, может подруга моего детства все еще жила в моей жизни, и не могла забыть все то, что мы пережили вместе? Даже если запрещала себе думать о ней, это не значило что их никогда не было в моей жизни. Сейчас мне казалось что прошло как минимум десять лет с тех пор, как я решила оттуда сбежать. Меня кто-нибудь искал? По мне кто-нибудь скучал? Или просто все вздохнули с облегчением? А может быть они ждали, что я вернусь? Или наоборот, ждали, что умру от голода или от рук какого-нибудь маньяка. Неважно. Все стало неважным. У меня теперь была новая семья. В той в которой меня любили? Как я могу гово-

ритель о том, что такое любовь? Правильно не могу. Как можно любить кого-то не зная, что такое любовь. Ведь, чтобы что-то отдавать, нужно что-то иметь, разве не так? Это как с едой или деньгами. Я могу ими делиться только тогда, когда они у меня есть. А если их нет? Что мне делать? Я не любила Дамира. Он был моим сыном, но казалось, что не моим. Мы с ним были совершенно разные. Хотя пока он рос я узнавала в нем свои черты. Свои скулы и нос, все остальное слишком ярко напоминало тот вечер, который я хотела бы забыть. Глаза Алена. Такие же глаза. Тот вечер, холод, алкоголь и неприятное тепло от его распахнутой куртки и ниже пояса. Я стала женщиной в тот день и в тот же день я перестала ею быть. Мои мечты и вся я просто исчезли. Как долго я могла бы жить притворяясь Сабиной? Пока не закончила бы школу? А потом? Я бы осталась жить в Сарканде? И работала бы? Или вышла бы замуж и родила бы детей? Так было бы проще? А смогла бы я полюбить своего мужа и своих детей? А если нет? Тогда бы что? Страх окутывал мое тело и сковывал меня изнутри, только я не хотела этого признавать. Я просто не любил своего сына. Плохо это было или хорошо никто не мог мне объяснить. Где те люди, которые должны принимать решения, разрешать ли тебе рожать ребенка или нет. Где они? Или такой роли в мире не было и ее заменяли успешно родители? Ну, не всегда успешно как, например, в моем случае. Мне никто не пытался заменить родителей и теперь я притворялась настоящей матерью для мальчика,

которого родила. Ну не странно ли? Или это сейчас норма?
Кто мне мог бы ответить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.